

Советские железнодорожники

Тринадцать лет назад с трибуны Кремля прозвучали вдохновенные слова великого Сталина об огромном государственном значении железнодорожного транспорта нашей страны.

«Существование и развитие нашего государства, — говорил тогда товарищ Сталин, — обращены к лучшим людям железнодорожного транспорта, призванным в Кремль на встречу с руководящими партия и правительства, — ...мыслимо без налаженного железнодорожного транспорта, связывающего громадные области нашей страны в одно государственное целое».

Слова великого вождя и учителя во многом показали железнодорожникам огромное государственное значение их труда, объяснили каждому труженику транспорта — от стрелочника до руководителя — героический смысл их повседневных творческих усилий. Прием железнодорожников в Кремле был переломной вехой в развитии нашего социалистического транспорта. В ознаменование этого исторического события транспортники события советское правительство установило ежегодный Всесоюзный день железнодорожного транспорта.

Речь великого вождя на приеме железнодорожников явилась стальной проправкой подема и раската социалистического транспорта. Осуществляя указания товарища Сталина, советские железнодорожники уверенно пошли вперед.

В героических делах советского народа весомая, осязаемая доля труда железнодорожников. Страна вооружалась их передовой, передовой техникой, ежегодно выпускались колоссальные материальные и денежные средства для повышения технического вооружения стальных магистралей. И железнодорожники, пламенные патриоты своей Родины, служат верой и правдой советскому народу!

В годы сталинских пятилеток железнодорожники перенесли сотни миллионов тонн грузов, которые воплотились в корпуса и оборудование гигантских заводов, в новые социалистические города. За годы советской власти транспортники построили свыше пятидесяти тысяч километров новых дорог, проложили стальные трассы в песках пустынь и в дремучих лесах, в тундре и в зоне вечной мерзлоты, приобщили к экономической и культурной жизни страны громадные территории ранее безлюдных районов. Плановое социалистическое размещение производительных сил, расцвет хозяйства и культуры союзных и автономных республик, преодоление вековой отсталости между городом и деревней — все это было бы невысказано без мощного, бесперебойно действующего транспорта, без героического труда армии железнодорожников.

Как и вся наша страна, советский железнодорожный транспорт, взращенный социалистическим строем, с честью выдержал тяжелые испытания Великой Отечественной войны. К фронту, в передовые линии, на передний край оживших сражений бесперебойно шли эшелоны с грозной боевой техникой, боеприпасами, ресурсами. Железнодорожники доблестно сражались с врагом, поддерживали беспрерывную связь фронта с тылом, строили новые дороги. Сила, величие, несгибаемый дух, животворный патриотизм советских людей, руководимых партией Ленина — Сталина, ярко проявились в том, что еще в ходе войны развернулось широкое фронтовое возрождение разрушенного врагом до-

ро. Восстановители прилагали к работе неимоверно, как только освобождались от немецко-фашистских оккупантов новая стальная, новый перегон.

Сейчас восстановительные работы на железных дорогах подходят к концу. Через многоводные, широкие реки перекинуты гирлянды новых мостов, на месте сожженных и взорванных врагом железнодорожных станций, вокзалов, поселков выросли новые, еще более красивые, монументальные и удобные, чем до войны, здания.

Праздник вместе с железнодорожниками день их трудовой славы, профессиональной гордости и чести, советский народ обращает внимание транспортников на многие еще не решенные задачи. Вся наша страна, весь народ — в трудовом наступлении! Чет великое сражение за пятилетку в четыре года. Железнодорожники должны постоянно держать открытыми световоры для беспрепятственного, все ускоряющегося движения вперед нашей экономики. Грузить 115 тысяч вагонов в сутки — вот задание страны транспорту на последний год послевоенной пятилетки. Даже в годы изысканного подвеса железные дороги не перевозили столько груза. Задача поставлена большая, трудная, но почетная. Она будет успешно выполнена, если железнодорожники поднимут культуру работы, повысят организованность, укрепят дисциплину, ответственность каждого работника за порученное дело. Темп, быстрота в работе железнодорожника — решающий фактор, творцы движения — наши транспортники — должны помнить, что, чем быстрее доставлялись грузы, тем успешнее будет путь народнохозяйственной жизни страны.

Каждый день «на колесах», в десятках и сотнях тысяч вагонов находятся миллионы тонн продукции. Это результат труда миллионов советских людей. Страна доверит ее железнодорожникам в твердой уверенности, что в пути не пропадет ни один килограмм хлеба, что грузы не погибнут от руки разгильятого-аварийщика. Доверить доверием народа, проявить большевистскую бдительность — святая обязанность железнодорожников.

К услугам железнодорожного транспорта прибегает миллионы советских людей. Ни в одной стране мира нет таких дальних пассажирских маршрутов, как у нас в СССР, — советские пассажиры провозят в вагоны поезда на часы, а многие дни. Надо установить высокую культуру в обслуживании пассажиров. Советский работник, колхозник, интеллигент имеют право на внимание, заботу, приветливую встречу железнодорожниками на вокзале и в пути. Пусть пассажиры и железнодорожники будут добрыми друзьями, а пока так бывает не всегда, не на всех станциях, не на всех дорогах.

Трудовые будни железнодорожников, их социальный труд еще слабо отражены в нашей художественной литературе, в драматургии, в живописи, в кино. Пока еще не созданы значительные произведения о послевоенном советском транспорте, нет ярких, запоминающихся образов героев-железнодорожников.

Героические дела транспортников в период Великой Отечественной войны нашли художественное воплощение в благородном образе Юсуповича Засонова — руководителя партизанско-железнодорожников станции Орша. Надо, чтобы наши прозаики, поэты, драматурги, сценаристы создали яркие образы Засоновых мирового времени, чтобы произведения советского искусства вдохновляли железнодорожников в борьбе за укрепление и расцвет нашей любимой Родины, великой железнодорожной державы.

За мичуринскую биологическую науку!

Сегодня открывается очередная июльская сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина. Ей предстоит обсудить и решить ряд важных вопросов.

Недавно по решению правительства академия пополнилась 35 новыми действительными членами. Это видные советские ученые. Их имена известны не только широкой общественности, но и миллионам колхозников и крестьян. Это новаторы-ученые. Они идут по мичуринскому пути в разработке теоретических вопросов агробиологии и в практическом ее применении. Приход в академию нового отряда ученых-мичуринцев укрепляет ее и усиливает исследовательскую работу, направленную на дальнейший расцвет советской биологической науки и полей социалистического сельского хозяйства.

Советская общественность уверена в том, что Всесоюзная сельскохозяйственная академия им. Ленина станет подлинным центром мичуринской агробиологии.

Сейчас в советской биологической науке идет острая борьба между старым и новым, между прогрессивными и реакционными направлениями. В этой борьбе столкнулись передовое материалистическое, созданное великим преобразователем природы И. В. Мичуриным, направление и отсталое, идеалистическое, идущее по пути менделеевско-моргановской школы.

Мичуринское направление в биологии, опираясь на принципы диалектического материализма, творчески двигает вперед эту важную отрасль науки, решительно отбрасывая устаревшие законы и ошибочные положения. Советская мичуринская сельскохозяйственная наука улучшает старые и создает новые формы растений и новые породы животных. Она тесными узами связана с практикой социалистического сельского хозяйства.

Противники мичуринцев, представляющие так называемую формалистическую генетику, рабски копируют реакционную буржуазную биологию, исходя из ложных, антинаучных представлений о неизменности наследственных свойств организмов, о факти-

ской невозможности активного воздействия на природу растений и животных и изменения их на пользу человека.

Ученый И. В. Мичурин является новым этапом в развитии биологической науки. И. В. Мичурин первый разработал научные основы преобразования растительного мира, создания новых, нужных человеку, форм растений.

— Мы можем и должны вмешиваться в действия природы, — указывал он.

В течение длительного времени консерваторы от науки пытались замалчивать работы Мичурина, приписывая огромное теоретическое и практическое значение его труда. Это не удалось им. Ученник и последователь Мичурина и особенно Т. Д. Лысенко, разбив теоретические основы менделеевско-моргановской, отстоял и развил дальше мичуринское учение.

Дела мичуринцев вышли всей стране.

Духотворческие уроны пшеницы с гектара полевых культур; озимая пшеница в Сибири; ангорские лозы в Подмосковье, на Владимирской и Тульской землях; томаты в нечерноземной полосе, выращенные без теплиц; фруктовые сады на Алтае; возрождение картофельной культуры на юге, и многие, многие другие реальные изменения в сельскохозяйственной практике — плоды трудов ученых-мичуринцев, возглавляемых президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук Т. Д. Лысенко.

А что же дали те, кто выступает против школы Т. Д. Лысенко? «Фалатты» псевдоученых схоластических рассуждений и умозрительных, оторванных от жизни выводов. Что еще другое можно сказать о трудах академика И. В. Мичурина, о работах проф. Лысенко, Серебрянского, Формозова и других?

Мичуринское направление в биологической науке — подлинно передовое. Мичурин принадлежит будущему.

Открытая сегодня сессия Академии сельскохозяйственных наук является исторической вехой в развитии советской биологической науки.

Пожелаем же нашим передовым ученым плодотворной работы!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 61 (2444)

Суббота, 31 июля 1948 г.

Цена 40 коп.

НА БОЛЬШИХ ПУТЯХ

Великая железнодорожная держава... Мы законно гордимся тем, что так называют нашу великую родину. О роли и значении железных дорог в жизни советской страны говорилось не раз и писалось немало, но никогда не исчерпывались до дна глубина и богатство этой темы.

Классическую и единственную всеобъемлющую оценку значения железных дорог в Советском Союзе дал наш великий вождь. Товарищ Сталин определил значение железнодорожного транспорта для существования и развития нашего государства, как решающее: «СССР как государство был бы немалым без перекрестного железнодорожного транспорта, связывающего в единое целое его многочисленные области и районы».

Мы с гордостью называем свою страну родиной железных дорог. Это обстоятельство долго замалчивалось не только за границей, но даже в отечественной литературе. Теперь с достоверностью установлено: не в Западной Европе, а на Урале и в других промышленных районах России возникли первые железные дороги. Еще в 1788 году были проложены первые железные железнодорожные пути в Олонцком заповеднике. В 1810 году на Полыаново-Воскресенских заводах талантливого русского инженера Петра Фролова построили первую железную дорогу — это было на 17 лет раньше, чем в Америке, и на 13 лет раньше, чем во Франции. Первая русская железная дорога с паровой тягой появилась на Урале еще в 1834 году.

Наша страна является также родиной железнодорожной науки. В Европе развитие железных дорог шло поочередно, практикой отвергали всякую возможность научного подхода к решению технических проблем транспорта. Русская наука, отличавшаяся стремлением к широкому обобщению, показала миру образец правильного использования достижений теории для технического прогресса на железных дорогах. Мы с благодарностью вспоминаем корифея русской железнодорожной науки: Д. Н. Журавского — автора первого теоретического исследования в области строительства мостов, Н. Н. Петрова — создателя гидравлической теории трения, Н. Е. Жуковского и С. А. Чаплыгина, занимавшихся и теорией пуска поездов, и проблемами борьбы со снежными заносами, и вопросами смазки, а также многими другими теоретическими и практическими вопросами. Инициатором постройки первой в мире тепловоза и внедрения его на железные дороги был великий Ленин. Отметим, между прочим, что первый американский тепловоз был скопирован с нашего советского. В условиях советского планового хозяйства возникла и развивалась наука об эксплуатации железных дорог. У нас родилась теория и методика точного тепловозного расчета поезда и т. д.

Железные дороги на большие расстояния стали строиться в России около ста лет назад. Автор этих строк работает 53 года на транспорте. Таким образом, половина всей истории наших железных дорог прошла на моих глазах. Мне знакомы и нравы частых дорог, и порядки, господствовавшие на «казенных». В странных условиях внешнего самоуправления и полудейского произвола жил и трудился русский железнодорожник. Безраздольно были его дни, уныло и грустно тянулось время на станциях и разъездах.

Об убогой жизни работников железнодорожных станций в царской России рассказывал Максим Горький. В обстановке беззастенчивой тоски жили обитатели и другой станции, описанной А. П. Чеховым в рассказе «Шампанское». Не знали радости труда машинист Григорий Григорьев (Н. Гарин-Михайловский) — «На практике», путевые сторожа Семен Ивалов и Василий Спирidonов (В. Гаршин) — «Сигналы», стрелочник Иван Пелмазов (А. Серафимович) — «Стрелочники», не знали его сотни тысяч других тружеников, из дня в день тянувших тяжелую служебную лямку, не видевших впереди ни просвета, ни облегчения.

И теперь, вспоминая все виденное и пережитое за полвека на транспорте, опускаешь, до самых высот мы познались. Техника сделала гигантский скачок вперед, возросла скорость движения, составы стали тяжеловесными, пропускная способность магистралей заметно увеличилась.

В связи с открытием в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького выставки чехословацкой легкой промышленности, находящейся в Москве министр промышленности Чехословакии г-н Ангустин Климент рассказал сотрудничку «Литературной газеты» об индустриальном развитии республики.

— Экспонаты выставки, — говорит министр, — и по широте ассортимента и по качеству их могут служить свидетельством успешного выполнения промышленностью нашей страны двукратного плана.

За каждым из предметов, представленных на выставочных стендах, скрывается труд и развитие предприятий, ныне принадлежащих народу. Вот мотоциклы — они изобретены на заводах Збројева, не произведенных ранее таких машин. Рядом — малые моторы. Они изобретены на новых заводах Словакии, индустриализация которой предусматривается двукратным планом.

Исключительно важным моментом, характеризующим состояние чехословацкой промышленности, — говорит далее г-н Климент, — является то, что плановая произ-

водительность превышает из месяца в месяц. Особенно ярко сказался этот процесс после того, как от руководства страны были отстранены враждебные элементы и в власти стали подлинно представители национальных интересов чехословацкого народа. Рабочий класс ответил на это событие принятием встречных планов, значительно превышающих государственные. Выполнение встречных обязательств даст стране дополнительную продукцию на 20 миллиардов чешских крон. Крупнейшие обувные предприятия в гор. Злине — бывшие заводы Бата — обязались закончить годовой план к 28 октября. Судя по нынешнему состоянию производства, обязательство это будет выполнено.

Национализация промышленности вызвала среди трудящихся исключительный энтузиазм, стремление делать больше и работать лучше, — говорит г-н Климент. Труд у нас, как и в СССР, становится делом чести. Наиболее уважаемыми людьми являются в стране «богатыри труда» — так называют в Чехословакии лучших производителей. Некоторые из них, в виде

особого поощрения, командированы в Москву для обслуживания выставки.

— Рост и расцвет чехословацкой промышленности, — заявил в заключение г-н Климент, — неразрывно связаны с укреплением экономических отношений между Чехословацкой республикой и Советским Союзом. Можно с уверенностью сказать, что тесные экономические связи с СССР являются существенным элементом дальнейшего расцвета хозяйства республики. Трудящиеся моей страны не забыли, что уже вскоре после того, как Чехословакия была освобождена Советской Армией, еще до подписания торговых договоров, из страны Советов уже шло сырье для наших предприятий, сырье, без которого не могло бы начаться возрождение чехословацкой промышленности. В нашем экспорте Советский Союз занимает первое место. Мы уверены, что в дальнейшем экономические и культурные связи между нашими странами еще более расширятся и окрепнут. Выставка, открытая в Москве, является одним из этапов на пути дальнейшего развития этих связей.

Уже сейчас некоторые участки оборудования автоостанов. Возникает ныне вопрос и об использовании радиотехники на транспорте. На некоторых паровозах установлены радиостанции, и машинист поддерживает двухстороннюю радиосвязь с диспетчером. В перспективе значительно внедрение автоматики в телемеханику. Я говорю здесь о предметах сугубо технических, но имею в виду людей, которые двигают эти проблемы, людей, представляющих большой интерес для литературы.

Стахановское движение на транспорте выдвинуло задачу, казавшуюся теоретически неразрешимой, — ликвидировать разрыв между «технической скоростью» и «коммерческой». На общепонятном языке это означает: поезд на участке влге не должен стоять, он должен быть всегда в движении! Успехи в этом направлении у нас велики, и за каждым повышением «коммерческой скорости» кроется большой и кропотливый творческий труд тысяч железнодорожников-машинистов, отменяющих остановки для набора воды и чистки топков, диспетчеров, выстраивающих в графике «зеленые улицы», и т. д. На передовых станциях внедряется единый технологический процесс. Железнодорожники и работники промышленности работают по единому графику, добиваясь ритмичности и слаженности. Не все идет гладко в этом большом и важном деле. Вучающий писатель, приобщенный к жизни хотя бы одного колхозника, внедряющего единый технологический процесс, заметил бы острую, принципиальную схватку нового со старым, непримиримую борьбу с местными тенденциями, наступление передового на отсталое. Здесь можно наблюдать конфликты, имеющие все основания стать теми актуальными в животрепещущих произведениях, в которых действовали бы живые люди, ослепленные недоумением энергией и целеустремленностью, воспитанные в новых традициях.

И мы вправе надеяться, что эпоха «отчуждения», отмененная жизнью, будет очень скоро ликвидирована и в литературе, и в новых традициях советских железнодорожников будут отражены в романах и повестях, очерках и рассказах.

Колхозники — студенты заочных вузов

Как нам сообщили в Министерстве высшего образования СССР, на заочных отделениях сельскохозяйственных вузов страны обучается 6.400 человек. Среди студентов-колхозников — председатели колхозов, овощеводы, участковые агрономы, механизаторы, сельские электрики, механики, директоры МТС.

Председатель колхоза им. Молотова депутат Верховного Совета СССР Ф. Гринько считается в Алтайском крае одним из самых опытных в сельском хозяйстве специалистов-практиков. Однако и его не удовлетворяют практические знания. Вот уже второй год он учится на агрономическом факультете Всесоюзного сельскохозяйственного института заочного образования.

На пятом курсе этого же института обучается председатель крупнейшего в Тульской области колхоза С. Ханев. Помимо колхозников среди студентов-колхозников есть немало специалистов колхозной деятельности. Так, на четвертом курсе вуза, где участвует Гринько и Ханев, поимает свои знания и участковый агроном Н. Хамулин из Сумской области. Студент заочник А. Угольников, имея среднее агрономическое образование и работая агрономом в колхозе, овладевает второй специальностью — он кончат зоотехнический факультет.

Магнитка цветной металлургии

Так называют Большой Джекагган — крупнейший в Советском Союзе строящийся комбинат медной промышленности. Он даст меди значительно больше, чем все медеплавильные заводы Урала. Медь так будет высококачественной и самой дешевой в стране.

Рудоносная площадь в Джекаггане простирается на сотни квадратных километров.

В начале XX века английские концосномеры, проникнув в Казахстан, хищнически эксплуатировали богатства Джекаггана, выбирая из недр земли самую богатую и близлежащую руду. Теперь и следы неосталось от английских примитивных шахтенок. Рудники оборудованы передовыми техникой. Бурение, например, производится с помощью совершеннейших перфораторов, породу поднимают скреперные лебедки, каждая из которых заменяет ручной труд многих уборщиков. Экскаваторы, дескаторные автоматы, мощные электролозы — все это облегчает труд рабочих и многократно повышает производительность.

Сейчас сооружается обогащательная фабрика, которая по своим размерам и технической оснастке превзойдет подобные предприятия ведущих комбинатов цветной металлургии. Одновременно ведется строительство мощной электростанции. Созданное здесь же водохранилище обеспечит водой не только промышленность, но и орошение колхозных полей.

Вблизи будущего водохранилища раскинута новая Джекагган. Она разрастается с каждым днем: отстраиваются жилые дома, школы, клубы, больницы, детские ясли, озеленяются улицы. К моменту вступления в строй комбината город будет готов принять многотысячную армию металлургов.

Антология туркменской поэзии

Государственное издательство художественной литературы выпускает антологию туркменской поэзии. Она ознакомит читателей с поэтической культурой туркменского народа от древнейших времен до наших дней.

Антология открывает произведения древнейшей туркменской поэмы — «Книга дала Коркула». Двенадцать сказаний этой «Книги» повествуют о героях, вояках, великих мудрых старцах Коркула на ратные подвиги, отражают его и нравы туркменских племен и соседствовавших с ними народов того времени.

Отрывки из героической поэмы «Героическая» рассказывают читателю о приключениях и подвигах смелого витязя, защитника слабых и угнетенных. Герой этого эпического романа (особая форма стихотворного романа) широко популярна не только у туркмен, но и у других народов Средней Азии и Кавказа — узбеков, таджиков, азербайджанцев.

«Шасенем и Гариб», «Аслия и Керем» и «Мелике Диярлам» — популярные любовно-лирические поэмы XVII—XVIII веков, также вошли в новую антологию. Широко представлена в ней и классическая поэзия туркмен, начиная с основателя поэтики Дулаата-Мамеда Азиза. Он известен сборником назидательных притч и диалектических стихотворений «Визан-Азиз». Творчество сына Азиза — Махтума Азиза знаменует расцвет классической туркменской поэзии. Его поэтическое наследие — поэмы, философские, сатирические, публицистические и назидательные стихи — насчитывает двадцать тысяч стихотворных строк и составляет национальную гордость туркменского народа. Творчество Махтума Кули занимает значительное место в изложении антологии.

В книге приведены также произведения поэтов Земира и Сенди, сатирика Керима, мастера любовной лирики Молла Непеса, который был известен и как музыкант-башки, славившийся мелодиями к своим стихам.

Народные песни и песни народных шаириров, начиная от старейшего народа советской Туркмении Байрам Шахира, составляют третий раздел книги.

Советская поэзия представлена произведениями двадцати современных поэтов: Берды Кербаяева, Караджа Бурунова, Якуб Насыров и других.

Произведения туркменской поэзии представлены в антологии в переводе на русский язык члена-корреспондента Академии наук СССР профессора Е. Бертельсона и П. Скокерева. Составители антологии: Б. Карыев, М. Косаев и Д. Халдура.

Книга молодых моряков

РОСТОВ-НА-ДОНУ. (Наш корр.) Курсы одного из старейших в стране Ростовского мореходного училища им. Г. Я. Седова готовят к печати книгу. Будущие капитаны дальнего плавания, штурманы и механики отображают в коллективном литературном труде историю своего училища.

Во второй части книги молодые моряки расскажут о своих впечатлениях от учебного плавания, во время которого они побывали в Норвегии, Египте, Индии, у берегов Южной Америки.

Работой молодых моряков над книгой руководит Ростовское отделение Союза советских писателей.

Символ братской дружбы

ВЫСТАВКА ИЗДЕЛИЙ ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЧЕХОСЛОВАКИИ В МОСКВЕ

В связи с открытием в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького выставки чехословацкой легкой промышленности, находящейся в Москве министр промышленности Чехословакии г-н Ангустин Климент рассказал сотрудничку «Литературной газеты» об индустриальном развитии республики.

— Экспонаты выставки, — говорит министр, — и по широте ассортимента и по качеству их могут служить свидетельством успешного выполнения промышленностью нашей страны двукратного плана.

За каждым из предметов, представленных на выставочных стендах, скрывается труд и развитие предприятий, ныне принадлежащих народу. Вот мотоциклы — они изобретены на заводах Збројева, не произведенных ранее таких машин. Рядом — малые моторы. Они изобретены на новых заводах Словакии, индустриализация которой предусматривается двукратным планом.

Исключительно важным моментом, характеризующим состояние чехословацкой промышленности, — говорит далее г-н Климент, — является то, что плановая произ-

водительность превышает из месяца в месяц.

Особенно ярко сказался этот процесс после того, как от руководства страны были отстранены враждебные элементы и в власти стали подлинно представители национальных интересов чехословацкого народа. Рабочий класс ответил на это событие принятием встречных планов, значительно превышающих государственные. Выполнение встречных обязательств даст стране дополнительную продукцию на 20 миллиардов чешских крон. Крупнейшие обувные предприятия в гор. Злине — бывшие заводы Бата — обязались закончить годовой план к 28 октября. Судя по нынешнему состоянию производства, обязательство это будет выполнено.

Национализация промышленности вызвала среди трудящихся исключительный энтузиазм, стремление делать больше и работать лучше, — говорит г-н Климент. Труд у нас, как и в СССР, становится делом чести. Наиболее уважаемыми людьми являются в стране «богатыри труда» — так называют в Чехословакии лучших производителей. Некоторые из них, в виде

Чужая тень

«Литературная газета» справедливо критиковала Академию педагогических наук за отставание от жизни. Но нельзя думать, что в Академии — абсолютной застой теоретической мысли. Нет, здесь, как и в других областях идеологического фронта, идет борьба между новым и старым, борьба с пережитками буржуазной идеологии в педагогике.

Чужая тень лежит на некоторых научных трудах Академии. Бесспорно, многолетность, объективный подход, prevalence низкопоклонства перед буржуазной педагогикой по сей день зачастую бьются в известных педагогических работах.

Товарищ Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград» говорил: «Если мы хотим повернуть внимание нашего актива к вопросам идеологической работы и квеста здесь поработать, дать ясное направление в работе, мы должны остро, как побуждает советским людям, как побуждает большевикам, раскрыть ошибки и недостатки идеологической работы. Только тогда мы сможем поправить дело».

Это важнейшее указание не выполняло руководящими работниками институтов Академии. Они не возлагали борьбу с пережитками буржуазной идеологии в педагогике, не развинули внутри институтов буржуазной критики и самокритики. После опубликования постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и выступления тов. А. А. Жданова из философской дискуссии не появилось ни одной верной статьи, в которой вскрылись бы недостатки идеологической работы.

И вот такая борьба не могла не разгореться. При обсуждении выступлений Е. Н. Медынского «История педагогики», проф. П. Н. Шмидтера и проф. И. Т. Огородникова «Педагогика» в ряде выступлений совершенно справедливо было отмечено нарушение этики авторами критики партийности педагогической науки, рабочее дело буржуазной педагогики.

На дискуссии отмечалось, что в этик критик рассматриваются педагогические учения вне связи с порождениями их общественными отношениями, не вскрываются классовая сущность взглядов педагогов прошлого, механически переносится те или иные теории на одну эпоху в другую. История педагогики у них превращается в эволюционную смену педагогических систем.

Авторы учебников не желали признавать справедливость этик критических замечаний и отстаивали свои позиции. А на дискуссии по учебнику Медынского многие научные работники — Фирсов, Шмидтер, Журавковский, горячо восхваляя учебник, по существу заглушали партийную критику.

Между тем, в книгах, подвергнутых справедливой критике педагогической общественностью, широко распространены взгляды, что принципы воспитания, выработанные педагогами прошлого, сохраняют свое значение для советской школы. Эту точку зрения, в частности, проводит Е. Н. Медынский в главах своего учебника о Чешском, Песталоцки и других.

О чешском педагоге XVII века Коменском в учебнике Медынского «История педагогики» сказано в энциклопедическом, бесстрастном тоне: «Коменский выдвинул целый ряд дидактических принципов и формул, исходя из них, много дидактических правил, до сих пор сохраняющих свою ценность» (стр. 85). Для своего времени Коменский был прогрессивным деятелем буржуазной школы, но его «принципы», основанные на его «принципах», связаны с религиозными воззрениями. Они не могут быть полностью приняты советской педагогической наукой. Иллюстрирует проф. Медынский и педагогические принципы Песталоцки.

О представителе прусской аристократической реакции Герберте в учебнике написано: «Положительными чертами педагогики Герберта являются тесная связь педагогики с психологией, высокая оценка школы и обучения, принцип воспитания ребенка, систематичность обучения, требование развития многообразного интереса». Медынский весьма щедро

и далее перечисляет заслуги Герберта, не давая критической оценки этим положениям. А между тем, все острые педагогические взгляды Герберта были направлены против революционных для своего времени идей французских материалистов.

«Прогрессивным в своей основе является учение Руссо и Спенсера о дисциплине», — пишут И. Т. Огородников и П. Н. Шмидтер («Педагогика», стр. 271). Авторы забывают, что взгляды Спенсера, апологета капитализма, ярого врага социализма, пытают современную буржуазную педагогику. Вся педагогическая система Спенсера основана на биологических законах борьбы за существование, на безличности и вечности капиталистического строя.

Не сдержанные ли идеи о «дисциплине» вдохновляли в английском парламенте законодателей телесных наказаний, которые сохранились в этой стране «демократии» по сей день?

Как видим, ошибки профессора Медынского и профессоров Огородникова и Шмидтера одного и того же порядка. Что означает все это, как не отказ от принципа партийности в науке!

Вслед за ошибками книги тов. Александрова, осужденными на философской дискуссии, наши историки педагогической науки выступают как пропагандисты «бездогового вегетарианства по отношению к философским противникам, представляющим беззастенчивую дань профессорскому классу-обозначенному, тогда как марксовским классом, вынос и победы в беспощадной борьбе со всеми представителями идеалистического направления» (А. Жданов).

Дискуссия в Академии педагогических наук по книге проф. Медынского проходила на значительно более философской дискуссии. Тем более удивительно, что трюки не были учтены.

Однако в книге проф. Медынского можно найти и более разительные примеры безличности и самого неразборчивого отношения к борьбе за чистоту марксистской педагогики.

В разделе о буржуазной педагогике конца XIX — начала XX вв. Е. Н. Медынский говорит о целом ряде «положительных» сторон «теории» марксовой глупости современной американской идеологической реакции — Дьюи (стр. 266—67).

Дьюи проповедует субъективно-идеалистическую философию, он — идеолог современной американской школы прагматизма-инструментализма.

В педагогике Дьюи проповедует глубоко антинаучный взгляд, что сущность воспитания заключается в адаптации врожденных потребностей, свойств и инстинктов человека. В книге «Человеческие проблемы», опубликованной в 1946 году, Дьюи подкрепляет свои разлагающие влияния ссылками на лютую вражду прогрессивного человечества, одного из идеологов фашизма — Муссолини.

Задача советских педагогов — беспощадно разоблачать реакционную сущность современной американской педагогики, возмездием которой является Дьюи. Между тем, в ряде работ, в том числе в книге Медынского, настойчиво проводится мысль, что многие положения Дьюи прогрессивны, полезны.

Что означает все это, как не рецидив профессорского «бездогового вегетарианства»!

Можно ли теперь удивляться тому, что и в марксовском номере журнала «Советская педагогика» член-корреспондент Академии наук Г. Е. Журавковский, дипломатически ссылаясь на авторитет того же Медынского, пишет:

«Всякую, даже совершенно неприемлемую для нас педагогическую систему следует излагать так, чтобы кисть образованного ее фактического материала была бы возможно точнее доведена до сведения читателей или слушателей».

Это и есть открытый призыв к объективному освещению истории педагогики, к «точной», не критической пропаганде буржуазных теорий!

Конечно, в Академии есть научные работники, которые знают жизнь советской школы, правильно видят перспективы развития педагогической науки, смело ставят

новые актуальные вопросы, активно борются против пережитков буржуазной педагогики. Но часто, слишком часто они наталкиваются на упорное сопротивление академических рутинеров!

Так произошло, например, с докладами старшего научного сотрудника Н. А. Петрова о связи советской школы с политикой партии большевиков, о сущности коммунистического воспитания. Действительный член Академии Е. Н. Медынский, член-корреспондент Г. Е. Журавковский в своих выступлениях говорили о педагогике «вообще», об абстрактных педагогических вопросах, обходя совершенно молчаливо поставленные в докладах конкретные проблемы теории и практики советской школы.

В диссертации Н. А. Петрова «О сущности и основных принципах коммунистического воспитания в советской школе» дана обстоятельная критика с марксистско-ленинских позиций ошибочных положений ряда педагогических работ, высказавших характер закономерностей и основных принципов коммунистического воспитания в советской школе. За эту диссертацию Н. А. Петрову присуждена докторская степень. Но весьма показательно, что на защите, кроме официальных оппонентов, лишь один из действительных членов Академии — проф. И. Ф. Свободский поддержал диссертацию. Заместитель директора института по научной части, член-корреспондент Академии П. А. Рудин, который, казалось бы, должен был дать определенную оценку работы молодого ученого, дипломатично молчал. За «маленьких» откровенно высказался проф. С. И. Бакустов: он решительно забравшись за диссертацию и яростно записав как раз те ошибочные положения трудов по педагогике, которые тов. Петровым были подвергнуты буржуазной критике.

При защите В. П. Бремниной (гор. Ора) диссертация о педагогических идеях трилогии А. М. Горького («Детство», «Вздох», «Мои университеты»), диссертация, основанная на дружеском изучении опыта передовых учителей, возник «справа-налево» спор — можно ли вообще считать научный труд на тему о педагогических идеях Горького. По мнению проф. Медынского, кандидатскую диссертацию о педагогических идеях Горького выносить можно, а докторскую — никак нельзя. Проф. Журавковский был куда строже: и кандидатскую диссертацию о педагогических идеях великого писателя выносить невозможно. Конечно, если бы молодой ученый Е. Н. Бремнина написала диссертацию о педагогических взглядах Августина — IV—V век (это одно из докладов в Институте теории и педагогики проф. Журавковского), то ей была бы некоторыми рутинерами уготована более радужная встреча.

Товарищ Жданов обращал внимание на то, что «философская деятельность оказалась как-то монополизирована в руках небольшой группы философов, а большая часть философов, особенно провинциальных, не привлечена к руководящей работе». Совершенно такое же положение и в педагогике! Все основные учения, сборники по истории педагогики пишут в течение многих лет одни и те же ученые. Хотя в этих работах есть серьезные методологические ошибки, они беспрестанно называются. Почему? Да потому, что члены Академии рутинизируют труды друг друга, дают друг другу отзывы, рекомендации и т. д. Между ними существуют многочисленные приятельские отношения, мешающие развращению творческой критики и самокритики.

Необходимо перестроить работу Академии, решительно, смело двинуть вперед советскую педагогическую науку. Для этого надо раз и навсегда порвать с традициями «чистой науки», академическим «объективизмом», разорвать большевистскую критику и самокритику, привлечь к научной работе лучших учителей и передовых научных работников страны, последовательно, настойчиво бороться против пережитков буржуазной педагогики, за развитие советской марксистско-ленинской педагогической науки.

Нужно перестроить работу Академии, решительно, смело двинуть вперед советскую педагогическую науку. Для этого надо раз и навсегда порвать с традициями «чистой науки», академическим «объективизмом», разорвать большевистскую критику и самокритику, привлечь к научной работе лучших учителей и передовых научных работников страны, последовательно, настойчиво бороться против пережитков буржуазной педагогики, за развитие советской марксистско-ленинской педагогической науки.

Нужно перестроить работу Академии, решительно, смело двинуть вперед советскую педагогическую науку. Для этого надо раз и навсегда порвать с традициями «чистой науки», академическим «объективизмом», разорвать большевистскую критику и самокритику, привлечь к научной работе лучших учителей и передовых научных работников страны, последовательно, настойчиво бороться против пережитков буржуазной педагогики, за развитие советской марксистско-ленинской педагогической науки.

Новая газета и ее «почитатели»

11 июля 1948 года в Москве вышел первый номер газеты «Патриот Родины» — органа добровольных обществ содействия Армии, Авии и Военно-Морскому Флоту. Советские люди с горячим интересом отнеслись к созданию новых обществ, сотни тысяч трудящихся уже вступили в их ряды. Естественно, что о большом интересе было известно всем сообщением о выходе новой газеты, опубликованное в нашей печати.

Своеобразный интерес проявил к этому событию и Мосгорисполком. 12 июля, т. е. весьма оперативно, он откликнулся на выход «Патриота Родины» приказом своего гособратства т. Фельдштейн за № 2—1400 о... высылке в редакцию газеты из записки о ее помещении.

За это, видимо, взялись всерьез, потому что редакция, две недели спустя, получила еще один — и довольно безграмотный — документ.

«Предупреждение. Преправляю освободить занимаемое Вами помещение в 10-дневный срок, в случае несоблюдения добровольно, то 4 августа в 10 часов утра будете высланы принудительно. Судебный исполнитель б/о участка Бауманского района Грачев».

Итак, через несколько дней редакция со всем своим хозяйством вынуждена будет расклинать лавы и вывозить газету на одной из московских улиц.

Советские журналисты умеют работать в любых обстоятельствах. Об этом хорошо известно из практики газетной работы на фронте. Но так ли уж необходимо сейчас ставить во «фронтные условия» редакцию центральной газеты?

Нам кажется, что факт этот в истории советской печати беспреседельный. Позволительно спросить товарищей из Мосгорисполкома, какими соображениями они руководствовались.

И. ИЛИН

О „конвейере диссертаций“

В 30-й «Литературной газете» была опубликована в порядке обсуждения статья «Конвейер диссертаций» кандидата философских наук, члена-корреспондента Академии наук СССР И. Френкеля и доктора медицинских наук Э. Коноса. В этой статье авторы указывали на ряд серьезных недостатков в подготовке научных кадров и присуждении ученых степеней и ставили вопрос о необходимости внести изменения в существующий порядок.

Статья эта вызвала многогласные отклики наших читателей. Некоторые из них публикуются ниже.

Устаревший порядок

Установившаяся практика присуждения ученых степеней, несомненно, требует существенных коррективов. Я, однако, не склонен считать, что случаи недобросовестного отношения к делу как со стороны диссертанта, так и его оппонентов являются чем-то типичным, внушающим тревогу.

Через мои руки за последние 2—3 года прошел не один десяток диссертаций, но среди них не было ни одной, заслуживающей подобного упрека. Должно внушать тревогу не все увеличивающееся в нашей стране число кандидатов и докторов наук (это как раз отрадное явление), — вред формализма самих процедур соискания и присуждения ученых степеней.

Защита — по идее публичный диспут — превратилась в ритуал, отдельные этапы которого в корне противоречат самой идее. Диссертант не только заранее получает официальные отзывы о своей работе, но подчас сам подыскивает себе оппонентов. Таким образом, он может быть вполне спокоен: с этой стороны ему опасность не грозит.

Что же остается от диспута? Выступлений из «публики»? Не могут ли быть серьезные высказывания о работе, только что напечатанной или просмотренной тут же на заседании? Ради чего же, спрашивается, приводится в действие весь сложный механизм защиты?

Что, в сущности, доказывает вотум ученого совета при таких обстоятельствах, особенно, если защита происходит, как это чаще всего и бывает, в «своем» учреждении или вузе?

Несомненно, что существующий порядок почти на всех своих этапах устарел и не дает гарантии полной объективности. Мои предложения сводятся к следующему.

Диссертацию должен рекомендовать к защите ученый совет того научно-исследовательского института или вуза, в котором работает кандидат и куда он представляет свою работу на апробацию. После этого работа посылается в Высшую аттестационную комиссию (ВАК).

При ВАК должен быть создан своего рода диссертационный орган, направляющий диссертацию к защите в любое учреждение подходящего профиля, но только не в то, откуда она поступила с рекомендацией. Учреждение, получившее ее от ВАК, назначает двух (не более) оппонентов для изучения ее в случае хотя бы одной положительной рецензии оппонента о публичной защите. Имена оппонентов, а тем более их отзывы, должны оставаться засекретно неизвестными до оглашения их во время защиты.

А. КАЯГОРОВ, действительный член Академии наук БССР.

Аттестация кадров советской науки

Авторы статьи «Конвейер диссертаций» Я. Френкель и Э. Конос, критикуя некоторые ошибки и недостатки, имеющие место в практике присуждения ученых степеней и званий, неправильно характеризуют самое отношение ученых к защите диссертации. Придумавшая авторами и вылаемая ими за распространения поговорок — «два часа поработать, зато степень на всю жизнь» оскорбительна для советских научных работников. Только бесценные карьеристы могут руководствоваться таким принципом.

Подавляющее большинство диссертационных работ представляет собой серьезные научные исследования и является значительным вкладом в науку, обогащая ее новыми теориями, доказательствами и новыми открытиями.

Т. Френкель и Конос утверждают, что в большинстве случаев диссертация является единственным основанием для присуждения ученой степени. Это неверно. Соискатели на степень доктора наук, вступающих только с одной научной работой, нет, вовсе, а для получения кандидатской степени, как известно, требуется еще слава государственных наград.

Неубедительно авторы статьи критикуют и легкость выбора темы для диссертации. Дело не в том, легко или трудно «взять тему». На то, что некоторые научные работники уходят от актуальных проблем современности.

Неглубоко, например, судить, насколько актуальна сейчас тема «Историческое значение судебных речей Плещина и их влияние на развитие ораторского искусства в послесоветские века». Однако директор Ташкентского юридического института тов. Мамаджиев ходатайствует перед Высшей аттестационной комиссией о разрешении тов. В. Ибрагимову записать ее на степень кандидата исторических наук.

Среди представленных за последние время диссертаций по педагогическим дисциплинам отсутствуют работы, затрагивающие современные проблемы воспитания, школьного строительства, разработкой вопросов основополагающих и деталей коммунистического воспитания детей и т. д. Зато больше всего замечается работы, касающиеся школьных реформ прошлых столетий, изучения взглядов деятелей капиталистической эпохи. Серьезным недостатком многих диссертаций является отставание в разработке важнейших вопросов советской науки и социалистического строительства.

Ученые советы некоторых институтов и официальные оппоненты нередко прояв-

Необходимы серьезные изменения

Уже давно ощущается необходимость в радикальном преобразовании диссертационной системы. Свидетельством этого могут служить материалы, появившиеся в течение двух последних лет в нашей печати. Откликов на них со стороны Министерства высшего образования, к сожалению, не было.

Мы горячо поддерживаем предложения тт. Френкеля и Коноса, касающиеся изменения порядка защиты диссертаций и введения обязательной переквалификации лиц, имеющих ученые степени. По моему мнению, что публичную защиту надо сохранить, установив при этом за учеными советами отраслевых институтов и факультетов лишь рекомендательное право о том, чтобы окончательное решение выносили компетентные экспертные комиссии ВАК.

Нам кажется нецелесообразной отмена публичной защиты, так как смысл ее, конечно, не во внешней театральности, а в том, что она дает возможность проводить по затронутым в диссертации вопросам широкие дискуссии, помогающие развитию науки и воспитанию молодых кадров.

Мы считаем также совершенно неосмысленным, что решение о присуждении степени должно выноситься на основе изучения всей деятельности соискателя.

Подавляющая часть наших научных работников честно, творчески оправдывает свое высокое звание, однако имеется немало и таких лиц, которые начинают свою «научную» деятельность в момент подготовки кандидатской диссертации и контактируют с ней в момент защиты.

Самым важным и особо необходимым мероприятием является периодическая переквалификация кандидатов и докторов наук. Она будет напоминать людям, годами не ведущим научной работы, что ученым степень не только дает преимущества, но и налагает очень серьезные обязательства.

Существующая система подготовки научных кадров через аспирантуру также нуждается в коррективе. Иногда молодой человек зачисляется в ученые, не увидев

СВЕРДЛОВСК.

Повысить требования к аспиранту

Нельзя не согласиться с авторами статьи «Конвейер диссертаций», критикующими нынешнюю систему подготовки научных кадров. В результате неправильного подхода к делу в аспирантуру часто попадают люди, не обладающие необходимыми данными для ведения научной работы.

В течение трех лет аспирант изучает несколько общеобразовательных и специальных предметов и сдает экзамены. За это же время он обязан написать два-три реферата на темы, назначенные его руководителем, а затем защитить кандидатскую диссертацию. Таким образом, вся подготовка будущего ученого ограничивается рамками, строго определенными учебной программой. Несмотря на то, что по существу своему кандидатская диссертация должна быть результатом научного исследования, как раз исследовательская работа учебным планом и не предусматривается. Поэтому уровень таких диссертационных работ не высок. Авторы статьи

совершенно правы, полагая, что аспирантуру надо реорганизовать. Молодые специалисты, обладающие способностями к научной работе и принятые в аспирантуру, должны быть наделены необходимостью заниматься по школьной системе. Они должны быть ассистентами своих научных руководителей.

В процессе учебы от аспиранта надо требовать представления нескольких научных работ и обязательно посылать их на отзыв специалистам.

Результатом пребывания в аспирантуре должна быть отнюдь не защита диссертации, а лишь присвоение определенного ученого звания, например, младшего научного сотрудника. Что касается кандидатской диссертации, то она может быть результатом дальнейшей практической деятельности молодого исследователя.

Такое изменение подготовки научных работников, несомненно, принесет хорошие результаты.

Аспирант А. БАРСКИЙ

МОСКВА.

Порядок, предлагаемый Я. Френкелем и Э. Коносом, привел бы к резкому ограничению доступа в науку молодым и особенно национальным и периферийным работникам.

В работе по аттестации научных кадров имеются крупные недостатки, о них уже говорилось выше. Однако они не затрагивают самих основ, на которых зиждется аттестация в нашей стране. Постановления правительства «Об ученых степенях и званиях» нисколько не устарели. Существующие недостатки объясняются тем, что ученые советы, экспертные комиссии и ВАК иногда допускают нарушения их.

Присуждение ученых степеней и званий часто происходит в отсутствие официальных оппонентов или без необходимого явора ученого совета. В защите допускаются ляпы, неслухи кандидатских экзаменов. В Академии медицинских наук была случая, когда члены докторского совета, представлявшие состав ученого совета Академии архитектуры присудила звание старших научных сотрудников 40 лицам, не имеющим кандидатской степени; а затем эти старшие научные сотрудники без сдачи экзаменов зачислили диссертации на получение кандидатской степени.

Защита диссертаций в некоторых институтах проводится без дискуссии и научной критики, официальные оппоненты одного, лишь с положительной стороны, характеризуют работы и не показывают их слабых сторон.

Особенно нетерпимы попытки оценивать соискателя не по качеству диссертации, а по принадлежности его самого к определенной школе или по руководителю.

Принципиальная критика и широкие дискуссии являются необходимым условием правильного отбора людей, способных развивать и двигать вперед передовую советскую науку.

Страна испытывает огромную потребность в квалифицированных научных кадрах. Численный рост их должен радовать нас, но требования в научных трудах, представляемых на соискание степени, должны быть повышены. Установленный же порядок отнюдь не устарел.

А. ДАНИЛОВ, Ученый секретарь Высшей аттестационной комиссии при Министерстве высшего образования СССР.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В Елец приехали артисты

В Елец приехали столичные артисты. Через два часа после того, как появилась большая пестрая афиша с именами Самойлова, Алейникова, Воробьева, Савельевой, а также железнодорожного клуба не осталось ни одного билета.

К 9 часам вечера публика ко отказа заполнила партер и балконы клуба. Все закончилось поглаживания на валах. Он не перевернулся. Никаких слезов приготовления к концерту не было заметно. По залу проносился шум, что артисты одновременно дают концерт в эдаком кинотеатре «Ударник». Прошло более часа, зал опустел. Публика вышла на улицу... Вдруг раздались восклицания: «Приехали, приехали!»

И снова в зале оживление. Бурными аплодисментами встречает публика появившихся на сцене Евгения Самойлова. Затем Вера Савельева поет русские песни. И вдруг конференция объявляет: «Концерт окончен»!

Где же Алейников, Воробьев, где другие артисты, о которых сообщала афиша, обещающая «большой концерт»? Оказывается, они уже уехали.

Обманутая и разочарованная публика молча разошлась по домам. Не знаю, какое мнение у столичных артистов о маленьком Ельце, но могу твердо сказать, что они не уважают зрителей.

М. КОПЫТИНА

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«РЕДЕЮТ РЯДЫ КНИЖНИКОВ»

Объединение государственных издательств при Совете Министров СССР считает статью тов. С. Подъязовского «Редеют ряды книжников», опубликованную в «Литературной газете» № 56, весьма актуальной и своевременной.

Действительно, положение с кадрами книоторговцев работников тяжелое. Несмотря на то, что 70 процентов директоров магазинов имеют низшее и незаконченное среднее образование, за годы войны ликвидированы все книоторговые учебные заведения, а помещения их заняты различными учреждениями.

Сейчас Огиз принял меры для организации двух техникумов и вечерней школы книоторговцев, 10 школ книоторгового ученичества, заочного техникума, заочной школы книоторгового ученичества и сети курсов по подготовке и переподготовке книжников.

Для обеспечения нормальной работы новых учебных заведений составляются учебные планы и программы.

В центральном аппарате Огиза создается отдел подготовки кадров, возобновлено издание бюллетеня «Советская книжная торговля».

В. ОСЬМИНИН, заместитель заведующего Огизом.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Коричневый дурман

Во время второй мировой войны к члену американского конгресса от штата Миссисипи Джону Ренкину явился молодой человек и предложил широкий и тщательно продуманный план пропагандистской деятельности в пользу фашистской Германии. Молодой человек назвал себя «фашистским агентом пятой колонии» в Соединенных Штатах Америки. Для того, чтобы убедить в этом Джона Ренкина, как бы в качестве пародии молодой человек произнес имя Эдуарда Салливана.

Джон Ренкин принял «фашистского агента» в своем кабинете сенатора, в Вашингтоне. Он проявил поразительный интерес к фашистским идеям. «Нало убедить американский народ», — сказал Джон Ренкин, — что война затянута «красными». Распространить эту версию по всей стране, и мы выиграем...» Вся беседа Ренкина с «агентом пятой колонии» была посвящена возможности использования фашистской пропаганды для борьбы с демократическими силами в Америке. Ренкин не скрывал своих убеждений, и, может быть, мы бы никогда не узнали о его замыслах, если бы молодой человек в самом деле был «фашистским агентом» гитлеровской Германии. Дело в том, что за спиной этого «агента» стоял известный американский прогрессивный журналист Альберт Кан, который во время войны был редактором еженедельника «Нас», занимавшегося разоблачением секретных фашистских агентов и их сообщников в Америке. Молодой человек, явившийся в кабинет конгрессмена Джона Ренкина, в Вашингтоне, был помощником Альберта Кана.

Теперь обо всем этом Альберт Кан поведал американскому народу в острейшей разоблачительной книге «Предательство в конгрессе». «Время, истекает с тех пор», — пишет Кан, — не умалю значения замыслов Джона Ренкина. Наоборот, теперь они приобрели еще более злобный характер. Коричневый дурман проник в американский конгресс. Ренкин является одним из вожаков комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, — и, по сути дела, именно на нем лежит ответственность за ее существование. В течение последних лет эта комиссия конгресса опустошала жизнь американский народ. Под предлогом борьбы с подрывной деятельностью комиссия развернула жестокую кампанию против американских демократических сил... Подознанных в преступлении и политическом мире являются шпионами и «экспертами-свидетелями» комиссии. Клевета, запугивание, инсинуации, шантаж и черные списки — таковы основные методы ее деятельности. Как это ни кажется невероятным, но именно эта имевшая позорную историю комиссия играет ведущую роль в определении и осуществлении всей правительственной политики Соединенных Штатов Америки». Теперь, через широко раскрытые Трумэновы двери, коричневый дурман уже проник в Белый дом, и все чаще резиденция американского президента называют в народе Коричневым домом.

Альберт Кан известен в Америке и за границей своими исследованиями в области тайной дипломатии и подрывной деятельности агентов международной реакции. Он окончил Лардсбургский колледж и получил премию литературной корпорации Брукфорд-Кемела. В 1939 году Альберт Кан исполнил функции генерального секретаря Американского совета по борьбе против нацистской пропаганды; в то время этот совет возглавлял Уильям Лод, бывший посол Соединенных Штатов Америки в Германии. В соавторстве с Майклом Селфсом Кан написал (названные и в СССР) книги: «Тайная война против Америки» и «Тайная война против Советской России». Новая книга Кана «Предательство в конгрессе» продолжает все ту же линию борьбы с фашизмом и реакцией в Америке. Но если в предыдущих книгах автор разоблачал фашистских агентов и их сообщников, то в своей новой работе он бросает обвинение американскому конгрессу и президенту, которые оказались во власти коричневых дурмана и ведут Соединенные Штаты «по пути фашизации».

2.

Альберт Кан посвящает свою книгу так называемой комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Он устанавливает связь комиссии с гитлеровской Германией во время войны и с фашистским движением в Америке.

Я упомянул имя Эдуарда Салливана — несколько лет назад оно открыло помощнику Кана дорогу к Джону Ренкину. Теперь Кан знакомит нас с Салливаном.

Близкий друг фашистского дивизии перешел границы Польши, начал вторую мировую войну, поверженный в делах германского посольства в Вашингтоне доктор Ганс Томсон направился в Питтсбург, где жил Эдуард Салливан. В этом не было ничего удивительного — Салливан еще в 1933 году примкнул к фашистскому движению в Америке. Через год, в 1934 году — он выступил на митинге «Немецко-американского бунда» в Турин-колде, в Нью-Йорке. Салливан произнес неистовую антидемократическую речь, которую собравшиеся на митинг фашисты встретили бурей оваций и криками: «Хайль Гитлер». В августе 1936 года на конференции фашистских пропагандистов, которая состоялась в Ашвилле, в Южной Каролине, Салливан уже выступал как «юрор». Американская печать тогда сообщила, что выступление Салливана было таким, «каким бы его сделал сам Гитлер». Во всему этому следует добавить, что Салливан в 1932 году дважды судился за воровство и два раза за левош.

И вот этот-то Эдуард Салливан был назначен главным следователем комиссии по антиамериканской деятельности и вскоре стал ее «адептом». Вместе со своим ближайшим помощником, бедошлым жидом Робертом Стриплингом, он прятал фашистских агентов, преследовал прогрессивных деятелей, вел ту фашистскую пропаганду, против которой он якобы дол-

жен был бороться. Начиная с 1938 года, когда возникла эта комиссия под председательством Мартина Дайса, через главных следователей Салливаном и Стриплингом в зале заседаний конгресса прошла бесконечная и мрачная шеренга фашистских преступников, провокаторов, рабистов, фашистских пропагандистов, прелателей, гитлеровцев. Но все они выступали здесь не в качестве обвиняемых, а как «эксперты» по делам демократических организаций и их деятелей. В то же время эти «эксперты» и фашистские агенты — Питер Инес, Уильям Мак Бунстон, Уильям Новак, Артур Томас, Уильям Джерней — получали здесь у Салливана и Стриплинга официальное признание их полной лояльности.

Да, Джон Ренкин имел все основания быть откровенным при упоминании одного имени Эдуарда Салливана, это был верный человек.

Дайс, Салливан и Стриплинг с необычайным упорством оберегали от разоблачения фашистскую организацию Джона Кемпа, которая была создана в Америке агентами гитлеровской Германии с единственной целью — «полюбовать верность, дисциплину и моральное состояние армии и флота США». Более того, на митинге лиги Кемпа в Ашвилле с фашистской речью выступал все тот же Эдуард Салливан. Между комиссией Дайса и лигой Кемпа был заключен тайный союз. «110 фашистских организаций в США имели и имеют ключ от черного хода комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», — писала тогда американская печать.

Открытая фашистская пропаганда деятелей этой комиссии во время войны была столь злобной, что тогдашний вице-президент Генри Уоллес выступил по этому поводу со специальным обращением к американскому народу. «Если бы сейчас не было войны», — писал Уоллес, — то эту тактику можно было бы принять за бред безумца. Но война идет, и действия комиссии Дайса, вызывающие недовольство американского народа, могли бы равным образом исходить от самого Гитлера. Если бы Дайс находился на содержании у Гитлера, то его влияние на умы американцев было бы несомненно меньше...»

Дайс, Салливан и Стриплинг почувствовали, что почва колеблется у них под ногами. Три члена комиссии провалились на выборах. Во избежание крупных и скандальных разоблачений Мартин Дайс пожелал «уйти в тень», как выразился Салливан. Казалось, фашистской комиссии нанесен серьезный удар. Но тогда «из-за кулис на сцену» вышел человек, все время находившийся «в тени». Это был Джон Ренкин. «Я подхватил знамя борьбы», — цинично заявил Ренкин в речи по радио 15 января 1945 года. Он добился принятия законопроекта, согласно которому комиссия реорганизовывалась в постоянный орган при конгрессе. А с приходом Трумэна в Белый дом комиссия получила неограниченные полномочия. Парламент Томас и Джон Ренкин возглавили комиссию, а ее главным следователем был назначен Роберт Стриплинг, ближайший друг и сообщник по фашистскому движению Эдуарда Салливана.

3.

Альберт Кан посвящает Джону Ренкину специальную главу в своей книге. Все зависимость от того, кто является председателем комиссии — Харт, Вуд или Томас, вдохновителем всех фашистских провокаций и антидемократических процессов остается Джон Ренкин. 6 апреля 1944 года делегация ветеранов войны приехала в Вашингтон для того, чтобы преподнести Ренкину медаль в форме свастик — в знак презрения за его роль, которую он сыграл в лишении права голоса военнопленным в 1944 году». Но зато в те же дни конгрессменом из штата Миссисипи Джозефом Ренкином возмущалась фашистская Германия. «Член конгресса Ренкин», — отмечал официальный бюллетень гитлеровской пропаганды «Вельт дингст», — является выдающимся американцем». Так Гитлером на расстоянии пожимала руку Ренкина, который, как известно, не остался в долгу перед своим заокеанским единомышленником.

Далеко не случайно главным следователем комиссии оказался Роберт Стриплинг. Именно он поехал в Голливуд, чтобы раскрыть там «заговор красных». На следственных материалах Стриплинга основывалась комиссия Томаса-Ренкина, когда был сфабрикован позорный процесс над выдающимся писателем-антифашистом Говардом Фастом и его друзьями.

Сразу же после войны Томас, Ренкин и Стриплинг организовали огромную анти-советскую кампанию. Ренкин тесно связан с крупнейшими американскими банками и монополиями. Он покупает газеты, радиопрограммы, журналы, выпускает антисоветские книги. Он вновь возродил фашистские лиги, где «юрором» является все тот же Эдуард Салливан. И порой трудно определить, кто ведет «следствие» — Ренкин и Стриплинг или Салливан.

Альберт Кан приводит в своей книге «сборник следствия». Ренкин вызывает «эксперта-свидетеля» — известного фашистского шпиона Вильяма Буллита.

«Ренкин: Правда ли, что в России едят людей?»

Буллит: Мне довелось видеть фотографию скелета ребенка, схищенного его родителями.

Ренкин: Вы сказали, что шестьдесят процентов членов американской комиссии не являются американцами. Правда ли, господин Буллит, что коммунисты отправляются в Южные Штаты, набрав там негров и отправляя их в Москву изучать революцию? Известно ли Вам что-либо о том, что они обучают негров взрывать мосты?

Буллит: Да.

Всю эту зловещую клевету, фантастическую безбашенку Ренкин передает в печать,

газеты публикуют ее под сенсационными аршинными заголовками.

Комиссия Томаса — Ренкина, пользуясь поддержкой президента Трумэна, начиная поход на все гуманитарные, прогрессивные и антифашистские организации. Ренкин объявляет «черный список» этих «подрывных» организаций: Конгресс борьбы за гражданские права, Объединенный комитет эмигрантов-антифашистов, Независимый гражданский комитет работников искусства и науки, Национальный совет по борьбе с расовой дискриминацией, Комитет борьбы против расовой дискриминации в армии, Национальный совет американо-советской дружбы...

Поводом для преследования Организации ветеранов войны по борьбе с дискриминацией послужило слово «демократия». Главный адвокат комиссии Эрнэ Адмсон писал, что «в памфлетах и в другой литературе, издаваемой этой организацией, неоднократно упоминается демократия». «Я удивляюсь», — продолжал далее Адмсон, — неужели мы недостаточно знакомы с историей Соединенных Штатов, чтобы не знать, что наш государственный строй не основан на принципах демократии». Официальный отчет комиссии конгресса от 2 января 1947 года поддерживает точку зрения Адмсона: «Подлинная демократия», — пишут Томас и Ренкин, — никогда не могла существовать, как форма правления».

Таковы «идеалы» людей, которые пользуются теперь в Америке неограниченными правами. Они ныне заменяют собой суд и справедливость. С помощью директора Федерального бюро расследований Эдгара Гувера, этого американского Гимлера, они проводят проверку «лояльности» миллионов американских граждан. И, наконец, приказ об аресте лидеров американской компартии доводит картину «коричневого дурмана», который охватил правящие круги Соединенных Штатов Америки. Альберт Кан заканчивает свою разоблачительную книгу обращением к читателям. «Кем бы вы ни были», — пишет он, — какими средствами вы ни зарабатывали бы себе на жизнь, вы непосредственно угрожаете комиссии по расследованию антиамериканской деятельности... Комиссия, как таковая, является симптомом страшной болезни — фашистской чумы, угрожающей Соединенным Штатам».

Альберт Кан посвящает свой памфлет комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Но в то же время он как бы дал нам возможность проникнуть в ту область политики Соединенных Штатов, сведения о которой обычно не предаются гласности. Тайные и кровавые нити связывают Ренкина, Стриплинга и его высоких покровителей с фашизмом. Это определяет, как ярко показывает Кан, их внутреннюю и внешнюю политику. Они, американские фашисты, поддерживают все реакционное, рабское и дурное в нашей демократической, прогрессивной. Они идут по следам наших героев и протыгивают в Германии и Японии руки их убийцам. Они рубят головы греческим патриотам, они с жадностью рвутся к Шейхам пытаются загнать в кабалу народ Западной Европы. Комиссия Томаса-Ренкина, законопроект Мундта, деятельность Эдгара Гувера и план Маршалла — это звенья одной цепи, с помощью которой они хотят захватить свободу.

Альберт Кан в своей книге не раз напоминает американским фашистам: Гитлер шел тем же путем.

Но будем надеяться, что американский народ, создавший теперь новую прогрессивную партию, продолжая борьбу за свободу, мир и демократию, еще напомним Томасу, Ренкину, Гуверу, всем их высоким покровителям и вдохновителям историю начала и конца Адольфа Гитлера.

Лев СЛАВИН

Могилишки Франции

«Могилишки республики» — выражение не новое. В последнее время о нем вспоминал даже такой журналист, как Перельман, давая характеристику вышедшим поражениям Франции.

Еще не так давно казалось, что эта заезженная в глаза всех честных людей фраза компартий предателей навсегда исчезла из политического обихода. Одины, как Лаваль, были казнены. Другие, как Петен, заключены в тюрьму. А их успешные единомышленники, вроде Поля Рейно... несколько дней назад вошли в состав нового французского кабинета.

Могилишки Франции снова в моде. Здесь и Мейер, представитель американской партии в правительстве. Здесь и Блюм, решивший, что его «песня предателя» еще не дошла до конца. Здесь и «социалист» Мок, на совете которого растеряны рабочие демонстранты. Здесь, наконец, Поль Рейно, самое имя которого стало синонимом предательства Франции.

Непримечательный политический путь Рейно у всех на глазах. Он был участником реакционных кабинетов Тарлье, Лаваль, Далазье.

В траурный для Франции 1940 год Рейно был не только премьером, но и военным министром и привел страну к позорному поражению.

Опираясь на поддержку своих покровителей, Рейно пролез в 1946 году в учредительное собрание, несмотря на то, что правительство комиссия рекомендовала аннулировать избрание Рейно.

Рейно ожив. Он начал часто выступать. Он произносил речи, начал по мере то-

Сэмюэль СИЛЛЕН,
редактор американского прогрессивного журнала
«Массес энд Мойстрим»

Молчание это предательство

При помощи антикоммунистического закона Мундта фашизм хочет дать возможность быстро развиваться в США в рамках, именуемых «законоными» и «демократическими». В силу все сметающих условий этого закона, права, завоеванные американским народом в сорокатысячелетней борьбе, будут отменены. Любая забастовка может быть истолкована, как преступление, как «подрыв торговли и финансов». Сопротивление расправам над неграми может быть объявлено предательством под предлогом «подстрекательства к расовому конфликту и борьбе». Можно будет запретить все печатные и устные выступления против политики войны, проводимой крупными делцами, назвав всякое выражение протеста «распространением пропаганды, рассчитанной на подрыв установленной государственной системы и правительства»...

Если сенат примет этот чудовищный фашистский законопроект, американской культуре будет нанесен сокрушительный удар. Преследования переводят интеллигенцию на уровень таких размеров, что каждый американский писатель и художник, стремящийся показать истинную картину американской жизни и стоящей на пороге Уоллеса, против поджигателей войны, подвергнется репрессиям. Это окажется возможным потому, что законопроект Мундта делает фашизм «легальным».

Этот гнусный вариант старых американских законов «против вражеской и подрывной деятельности» встречает самое решительное сопротивление со стороны демократически настроенной интеллигенции. Сотни художников и писателей, ученых и педагогов, священников и служащих различных политических убеждений закрепили законопроект Мундта, определив его как попытку реакции «санкционировать законным процессом уничтожения общественного мнения и общественной деятельности».

Честные сторонники демократии считают, что «мы не смея молчать, что мы обязаны выступить в защиту прав человека». Ибо молчание сегодня является настоящим предательством. Отказ от борьбы теперь, в этот исключительно тяжелый час, это — реветство по отношению к культуре и демократии. Борьба против законопроекта Мундта — борьба за спасение Америки от фашизма.

Голливудская «девятка» прогрессивных деятелей литературы и кино подверглась преследованиям, потому что она осмелилась защищать закон о правах человека. Точно так же тридцать два представителя американской интеллигенции, подписавшие открытое письмо в советским писателям, опубликованное в майском выпуске журнала «Массес энд Мойстрим», были заключены в клинковой антиамериканцев за то, что осмелились выступить в защиту мира и дружбы между нашей страной и Советским Союзом. Извращение в печати нашего открытого письма является наглядной иллюстрацией того полного отсутствия совести и чести, которые поджигатели войны выдают ныне за американский патриотизм.

Мы с презрением отвергаем их грубые попытки отвлечь внимание от мутной с предательством, решение бороться против фашистского нашествия — с антиамериканской деятельностью. Ни один представитель интеллигенции, который дорожит своей свободой, не отступит перед позором их грязной клеветы и угроз.

Что касается нас, то мы с гордостью повторяем: именно потому, что мы любим нашу страну, потому, что мы беззаветно преданы нашим демократическим традициям и интересам своего народа, мы боремся против стремления империалистов приставить США к фашизму и войне. Мы будем продолжать эту борьбу, не щадя сил.

НЬЮ-ЙОРК.

Американские душители культуры

Французский прогрессивный еженедельник «Леттр Франсес» опубликовал на днях открытое письмо одного из ведущих деятелей американской культуры, расклевывающее положение интеллигенции в США. Знаю, какими жестокими полицейскими преследованиями может подвергнуться в современной Америке писатель, кто поднимет свой голос против свирепствующего там террора, редакция не могла не указать имени автора.

В том же номере «Леттр Франсес» публикуется высказывание крупнейшего современного именного писателя Томаса Манна, эмигрировавшего в США после прихода Гитлера к власти.

Мы публикуем эти живые свидетельства о чудовищном преследовании прогрессивной мысли в США.

Вихрь событий в Америке мчит нас с ужасающей быстротой. Я приведу здесь несколько фактов, из которых вы увидите, в каком положении находятся теперь американские писатели.

Говард Фаст, автор романов «Американец» и «Гражданин Том Пайн» приговорен к тюремному заключению.

Джон Говард Лоусон, талантливый антифашистский писатель, человек безукоризненной честности, у которого позади долгие годы мужественной борьбы, также приговорен к тюремному заключению, а одновременно с ним и Дэлтон Трумбу, блестящий сценарист, автор романа «Джонни получил вытаску», где он остро выступает против империалистической войны.

Альберта Мэллы, чье творчество широко известно, тоже скоро отправят в тюрьму, а вместе с ним Альва Бесса, ветерана войны в Испании, мужественно и честно борющегося в наших рядах.

Все они осуждены за одно и то же преступление — за так называемое «оскорбление конгресса», а что не что иное, как юридическая уловка, намеренно и широко используемая в США как средство для того, чтобы упредить антифашистов в тюрьму.

Но, в конце концов, не все ли равно, какой использован юридический трюк? Преступление этих людей заключается лишь в том, что они антифашисты. Никто и не думает делать из этого тайну!

Е формулам законности прибегают в США для того, чтобы начать следствие по любому делу, но удивительно другое: никто даже не пытается как-то замаскировать самый факт, что в сегодняшней Америке быть антифашистом — это преступление, сурово караемое законом.

Вокруг прогрессивных американских писателей возведен настоящая стена из грубойшей лжи, оскорблений, подлогов. Открытые сегодня любой журнал или газету, и вы непременно найдете там клеветнические нападки на того или другого из этих литераторов.

Когда в ответ на обращение группы советских писателей к американской интеллигенции 32 прогрессивных писателя

Томас МАНН

ТАК НАЧАЛОСЬ В ГЕРМАНИИ

Я считаю, что невежество и упорное преследование сторонников политико-экономического учения, которое является творением великих умов, великих мыслителей, — такое преследование унижает самих преследователей. Более того, оно приносит непоправимый ущерб репутации США, как культурной страны.

Как американский гражданин немецкого происхождения, я заявляю, что некоторые

тенденции этой политики мне мучительно знакомы. Идеяльная нетерпимость, политическая инквизиция, все падающее значение законов, как средства защиты населения, — все во имя якобы существующего «чрезвычайного положения»...

Именно так началось в Германии. То, что за этим последовало, было фашизмом. А за фашизмом шла война.

отвергнут бы любой мало-мальски честный человек.

А Блюм, по словам агентства Франс Пресс, старается «использовать все свое дипломатическое мастерство», чтобы «успокоить своих встревоженных друзей».

Чем же так встревожены правые социалисты? Сухойло Франции? Походом на права трудящихся? Угрозой конституции? Перестройкой народного собрания, которое сулит стране план Маршалла?

Нет! Их беспокоит угроза окончательного скомпрометирования себя в глазах народа еще большим усилением контактов с коммунистическими Францией и политическими кругами в Европе Рейно. Есть крайний тон в положении этих беспринципных «социалистических» деятелей, этих прелателей по призыванию и по профессии. «Между искусством власти и тоской по оппозиции», — замечает газета «Лабора», — депутаты социалисты в течение более 48 часов тащивали валсы колебаний».

Эти «душевные муки», взмывающие двумя сутками, кончатся тем, что правые социалисты ринулись к министерским портфелям. Леон Блюм принял пост заместителя председателя совета министров и уехал на одну скамью с Полем Рейно.

Блюм, как и Рейно, испуганный ростом народного возмущения, фашисты пытаются проложить дорогу фашистской диктатуре де Голля.

Официальный представитель де Голля — Жакбон — уже успел одобрить программу нового кабинета, заявив, что она, в сущности, является программой де Голлевого «Объединения французского народа».

С еще более неприятным признанием выражается де Голлевский орган «Орор»:

«Партия намеревается управлять без де Голля. Но, в конце концов, генерал де Голль будет управлять без них».

Деголлевы, монархисты, могилишки Франции в их американские покровители удовлетворенно потирают руки, считая, что одержали победу. Но есть и другая сила: народ. Он гневно подымает голос. Со всех концов Франции поступают протесты. Их множество. Они вышат возмущением и волей народа в борьбе за свои права. Протестуют школы, профсоюзы, сельские общины, рабочие, интеллигенты, рабочие социалисты и католики. Протестуют коммунисты, которых во Франции миллионы.

Парламентская группа коммунистов объявила, что она, являясь «выразителем чувств всех трудящихся, всех республиканцев, верных духу Сопротивления, поддерживает свою решительную оппозицию правительству, в состав которого входят общественные выноиники поражения и вторжения врага... явные противники конституции, верные представители интересов капиталистов» и призывает к неслыханной энергии продолжать борьбу за свободу, демократию, мир и национальную независимость.

Это голос народа. Народ не хочет быть ни обманутым, ни пораженным. Он знает, что экономическое и политическое вторжение японских захватчиков так же губительно для Франции, как испытание ее военное вторжение. Он борется против оккупантов, вторгшихся с пулеметами в руки. Он борется против оккупантов, вторгшихся с долларами в руки, и против их политических замыслов всех мастей.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: И. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.